

STANDARD AVERAGE EUROPEAN: КТО ЧЛЕН ЯЗЫКОВОГО ЕС

В настоящей статье рассматривается ряд проблем, связанных с типологической классификацией языков. Особенный интерес при этом представляет введенное Б. Уорфом [Whorf 1941] понятие SAE, комплекс типологических черт, характеризующих общеевропейский союз языков, и место славянских языков в рамках этой концепции.

Около десяти лет назад я занялся определением расстояния между славянскими и некоторыми другими группами европейских языков. Комплексный анализ как аналитических, так и синтетических черт морфологических категорий, вместе взятых, показали [Томмола 1998a], что два южнославянских языка, а именно болгарский и македонский, четко выделяются среди славянских языков. По морфологической структуре они близки к западноевропейским языкам, тогда как остальные славянские языки, в частности русский, по степени синтетичности оказываются более похожими на финно-угорские языки, чем большинство западноевропейских языков.

В то же время болгарский и русский в своем словарном составе имеют очень много общего, облегчающего взаимное понимание. Одновременно приходится отметить, что характеристика словарного запаса не является беспроблемной. Кроме достаточно частотных общих слов, полностью или почти совпадающих в обоих языках, есть пласты высокочастотных незначительных слов, которые бывают нестабильными и склонны меняться. Это неопределенные местоимения, некоторые группы союзов и пр., которые в славянских языках возникали разными способами и из разных источников [Томмола 2003]. Последние представляют собой в известном смысле закрытые классы слов и как элементы синтаксической семантики принадлежат к грамматике.

1. Standard Average European

Вернемся к понятию SAE и рассмотрим главные его черты, чтобы подвергнуть критическому пересмотру состав и лингвистическую сущность предложенного ЕС языков. В качестве основных признаков SAE М. Хаспельмат [Haspelmath 2001] вы-

делил двенадцать черт¹, которые дают основания считать, что все основные европейские семейства индо-европейских языков (германское, романское, балтийское, славянское), а также албанский и греческий языки следует рассматривать как представителей SAE. Любопытно, что как среди германских и романских, так и среди славянских языков одни характеризуются «более SAE», чем другие, тогда как балтийские и славянские семьи вообще не относятся к ядру SAE. К ядру же отнесены западногерманские и большинство из романских языков (и региональных вариантов).

Как западные характеризуются следующие SAE черты: а) наличие определенного и неопределенного артиклей, б) глагольное отрицание с отрицательным неопределенным маркером и в) аналитический перфект с глаголом обладания. Остановимся здесь коротко на вопросе артиклей и на проблематике перфекта. Вопрос об оформлении отрицания будет рассматриваться позже.

Несмотря на кажущуюся простоту вопроса о наличии артиклей (в одних языках они есть, в других нет), их функции и состав меняется. Кроме типичной для западных языков дистрибуции препозитивных определенного и неопределенного артиклей (напр., англ. *the* vs. *a*), есть языки, в которых определенный артикль является постпозитивным членом (в скандинавских и балканских языках); есть случаи, когда только определенный артикль является строго грамматикализованным (болгарский), и есть разные системы взаимного функционирования определенного, неопределенного и нулевого артикля (венгерский, а также в некотором смысле шведский). Красивое распределение данной SEA черты внутри западного ядра нарушается не только болгарским и македонским языками, но и неиндоевропейским венгерским языком.

Перифрастический перфект с глаголом обладания (так называемый *habere*-перфект) действительно, прежде всего, особенность западного ядра SAE, но описание перфекта связано со многими морфологическими и функциональными проблемами в разных видовременных системах рассматриваемых языков. Прототипический перфект, как его определяет Э. Даль ([Dahl 1985]; см. также [Lindstedt 2000]), мы находим в английском языке, тогда как в немецком и голландском перфект «размылся» и уже не способен выполнять перфектную функцию. В романских языках, в частности в устной французской речи, произошло то же самое, но с тем важным

---

¹ Следующий перечень в его русской формулировке приводится вслед за А. Ю. Русаковым (2004): 1. Наличие определенного и неопределенного артиклей; 2. Относительные предложения, вводимые склоняемым относительным местоимением; 3. Аналитический перфект с глаголом обладания; 4. Экспериенцер при аффективных глаголах выражен по преимуществу номинативом; 5. Пассив, образованный при помощи причастия; 6. Преобладание антикаузативной деривации над каузативной; 7. Внешний посессор выражен дативом; 8. Отрицание с неопределенным маркером (отсутствие повторного отрицания при глаголе); 9. Сравнительные конструкции, образуемые при помощи союза; 10. Эквативные конструкции образуются с помощью маркеров релятивного происхождения. 11. Обязательный синтаксический субъект (отсутствие *pro-drop*); 12. Дифференциация возвратного и усилительного местоимений.

отличием, что здесь перифрастический перфект, кроме чисто перфектной функции, выступает также в функции перфективного прошедшего (нарративного аориста).

Если западное «ядро» и восточная «периферия» здесь прямо и не перемешиваются, то можно разглядеть несколько непоследовательностей в дистрибуции перифрастического перфекта. Во-первых, наиболее прототипический перфект, кроме английского, мы находим в северных германских языках. Во-вторых, вне сферы SAE прибалтийско-финский перфект тяготеет к SAE, только здесь, точно так же, как в славянских языках, в качестве вспомогательного глагола выступает не глагол обладания, а глагол бытия². Это верно и для тех славянских языков, в которых перфект еще существует, т. е. для болгарского и македонского, и для тех языков, где перифрастический перфект вообще исчез (для восточнославянских) или где форма (вспомогательный глагол) частично сохранилась, а перфектная функция исчезла. Ситуация в немецком, французском и почти во всех славянских языках свидетельствует о тенденции к замене граммы прошедшего вр. перфектом, т. е. манифестирует одну из дополнительных особенностей SAE (см. сн. 3).

2. Черты SAE, отсутствующие в большинстве славянских языков

2.1. Глагольное отрицание

с отрицательным неопределенным маркером

Отрицательное неопределенное местоимение функционирует как глагольное отрицание, в частности, в германских языках (англ. *Nobody listened*, нем. *Niemand/Keiner hat zugehört*, швед. *Ingen lyssnade* и т. д.). В других языках, например в венгерском (1) и во всех славянских языках, распространено «двойное» отрицание, которое, кстати, встречается в просторечных вариантах и в германских языках. С другой стороны, несмотря на особенность отрицания финского языка, где негация выражается финитным спрягаемым глаголом, некоторую структурную параллель можно увидеть между русским и финским языками в оформлении категорического отрицания, см. (2) и (3).

(1) Венгерский	<i>nem</i> NEG	<i>tesz</i> делать.3SG	<i>sem-mi-t</i> ‘ничего!’ NEG-что-ACC		
(2) а) Финский	<i>Kuka-an</i> кто-Indef	<i>ei</i> NEG.3SG	<i>kuunnel-lut</i> слушать-PST.PCPL.SG		
б) Русский	<i>Ну-кто</i> NEG-кто	<i>не</i> NEG	<i>слуша-л</i> слушать-PST		
(3) а) Финский	<i>Ei</i> NEG	<i>tul-lu[t]</i> прийти-PST.PCPL.SG	<i>ni</i> PTL	<i>mi-tä!</i> что-PRTV	
б) Русский	<i>Не</i>	<i>вы-ш-ло</i> NEG PREP-идти-PST	<i>ни-</i> PTL	<i>ч-его!</i> что-GEN	

² Иначе и не может быть в прибалтийско-финских языках, поскольку нет глагола обладания и посессивная конструкция базируется на глаголе бытия.

	весь-Def	ArtDef	мусульманский-Def	мир-Def
	‘Победа праздновалась во всем мусульманском мире’			
(7)	а) Русск.:	<i>Была сделана большая работа</i> (СВ) vs. <i>Двери закрываются</i> (НСВ).		
	б) Болг.:	<i>Урокът бе преподаден (от учителя)</i> ‘урок был преподаан учителем’ vs. <i>Урокът се преподаде (от учителя)</i> ‘урок преподается учителем’.		
(8)	а) Чешск.:	<i>Cykklus přednášek bude dokončen</i> (СВ) ‘Цикл лекций будет закончен’.		
	б) <i>Obchody se otvírají v 9 hodin</i> (НСВ) ‘Магазины открываются в 9 часов’.			
	в) <i>Výstava se otevře zítra</i> (СВ) ‘Выставка будет открыта (откроется) завтра’.			

Финно-угорским языкам пассив причастного типа не свойственен. Такая конструкция может спорадически встречаться в эстонском, но практически не существует ни в финском, ни в венгерском языках. «Неличный» пассив, который следовало бы лучше называть неопределенно-личным, в прибалтийско-финских языках обозначается финитной формой, традиционно называемой пассивом (см. [Томмола 1998б], где предложен термин «амбиперсонал»). В карельском языке эта форма и форма 3 л. мн. ч. под воздействием русского языка обменялись функциями. И в венгерском языке, где древний рефлексивный пассив является архаичным и не употребляется, используется форма 3 л. мн. ч. в предложениях с неопределенно-личным субъектом, ср. (9б). Не вдаваясь в подробности выражения вариантов пассива и диатезы, ограничусь лишь упоминанием того, что в славянских языках встречаются и другие своеобразные стратегии выражения неопределенно-личности, напр. в польском и украинском.

- (9) Неопределенно-личное предложение (амбиперсонал)
а) Финс.:	<i>Hän-et</i>	<i>tunne-taan</i>	<i>kaikkiialla</i> . ‘Его знают везде’
	3SG-ACC	знать-Ambi	везде
б) Венг.:	<i>Az-t</i>	<i>beszél-ik,</i>	<i>hogy...</i> ‘Говорят, что...’
	это-ACC	говорить-3PL	что

3.3. Маркеры компаративной и эквативной конструкции

Вопрос об обозначении стандарта сравнения при компаративе будет еще коротко обсужден ниже. Другая черта SAE, касающаяся эквативных конструкций, образующихся с помощью маркеров релятивного происхождения, не вызывает затруднений, так как во всех рассматриваемых здесь языках данная черта налицо. Здесь же мне хочется сопоставить компаративную и эквативную конструкции для сравнения употребляемых в них союзов. Интересным такое сопоставление становится потому, что здесь обнаруживается самое однозначное и последовательное отличие финно-угорских языков не только от ядерного SAE, но и от всех славянских языков. В языках, относящихся к SAE, последовательно употребляется при компаративе одна частица, тогда как в эквативной конструкции употребляется другая частица (напр. англ. *bigger than an elephant* ‘больше, чем слон’, но *as big as an elephant* ‘такой же большой, как слон’). Можно заметить, что в устной речи, например в некоторых региональных вариантах немецкого, различие не соблюдается, а частица *wie* употребляется и в том и в другом случае. Вот это и есть финно-угорская модель. В

прибалтийско-финских и в венгерском частица не меняется, ср.: финск. *suurempi / yhtä suuri kuin norsu*; эст. *suurem / nii sama suur kui elevant*; венг. *nagyobb / olyan nagy, mint egy elefánt* ‘больше, чем слон’ / ‘такой же большой, как слон’. В литературных славянских языках такого синкретизма обычно нет, ср.: болг. *както* vs. *отколкото*; польск. *jak* vs. *niż(eli), aniżeli*; русск. *как* vs. *чем, нежели*; сербск. *(ушто) као што* vs. *него (да), но*; чешск. *jak* vs. *než(li)*, однако в словацком языке *ako* считается нормативным и употребляется наряду с *než*.

3.4. Дифференциация интенсификатора и рефлексивного местоимения

В славянских языках, имеющих возвратные местоимения (болг. *се, си*; русск. *себя*), имеется отдельное усилительное местоимение (болг. *сам*; русск. *сам*). В русском языке возвратное местоимение инкорпорируется в финитном глаголе как энклитическая частица. В финно-угорских языках рефлексивных местоимений нет. В финском языке интенсификатор *itse* ‘сам’ используется в нужной падежной форме с постпозитивным посессивным суффиксом. В эстонском языке соответствующее местоимение-интенсификатор *ise* имеет супплетивную основу *enT-*, которая используется в косвенных падежах. В эстонском же в функции рефлексивного местоимения встречается также прилагательное *oma* ‘собственный’.

4. Значительные и частные отклонения от SAE в славянских языках

4.1. Экспериенцер как номинативный субъект при аффективных глаголах

Особенность обозначения экспериенцера по преимуществу номинативом не разделяется славянскими языками; впрочем, сомнительно ее преобладание и в некоторых германских языках. Английская транзитивная модель (*I love/like music*) все же существует во всем европейском лингвистическом пространстве, хотя глагол ‘любить’ в части языков имеет более или менее яркий эротический оттенок. В славянских языках весьма частотной является альтернативная стратегия с синтаксической структурой, где экспериенцер выступает в дательном падеже, зависимом от возвратного или невозвратного глагола (NDat + (Refl +) V3Sg + NNom), см. пример (10).

(10) ‘любить’ vs. ‘нравиться’ в славянских языках

Русск.: а) *Я люблю эту песню*

б) *Мне нравится эта песня*

Польск.: а) *Slawianie, ty lubim sielanki...* ‘Мы, славяне, любим идиллии ...’

б) *co ci się żywnie podoba* ‘что тебе только угодно’

Чешск.: а) *Mám rád tuto píseň*

б) *Tahle píseň se mi líbí*

Словацк.: а) *Mám rád tú pieseň*

б) *Sa mi veľmi páči tá pesnička*

Сербск.: а) *Volim ovu pesmu*

б) *Meni se dopada ova pesma*

Болг.:	а) <i>Аз обичам тази песен</i>	б) <i>Ми харесва тази песен</i>
Макед.:	а) <i>Сакам оваа песна</i>	б) <i>Ми се допаѓа оваа песна.</i>

Эта конструкция встречается не только в славянских языках и других периферийных языках SAE, таких как латышский (11), но и в таком чистом представителе SAE, как немецкий (12). Впрочем, эта конструкция имеется также в эстонском языке (13).

(11) Латышск.:	а) <i>mīlot</i> ‘любить’ vs.	б) <i>patikt</i> ‘нравиться’
а)	<i>mīlot</i> любить-INF	<i>bērn-us</i> ‘любить детей’ дети-ACC
б)	<i>Viņam</i> 3SG.DAT	<i>filma patik-a.</i> ‘Фильм ему понравился’ фильм нравиться-PST
(12) Нем.:	а) <i>Ich liebe dieses Lied</i>	vs. б) <i>Mir gefällt dieses Lied.</i>
(13) Эст.:	а) <i>armastama</i> ‘любить’ vs.	б) <i>meeldima</i> ‘нравиться’
а)	<i>ma armasta-n</i> 1SG любить-1SG	<i>se-da laul-u</i> этот-PRTV песня-PRTV
б)	<i>mu-lle meeldi-b</i> 1SG.DAT нравиться-3SG	<i>see laul</i> этот песня

Отклонение от транзитивной модели наблюдается в шведском и финском. Экспериенцер выступает в номинативе, и глагол управляет аблативным объектом.

(14) Шведск.:	а) <i>älska</i> + DO ‘любить’ vs.	б) <i>tycka</i> + PREP+N ‘любить’
а)	<i>jag älskar detta land</i> 1SG love this country	
б)	<i>jag tycker om glass</i> 1SG like PREP ice-cream	
(15) Финск.:	а) <i>rakastaa</i> + DO ‘love’ vs.	б) <i>pitää / tykkätä</i> + ELAT ‘like’
а)	<i>rakasta-n tä-tä maa-ta</i> love-1SG this-PRTV country-PRTV	
б)	<i>pidä-n / tykkää-n jäätelö-stä</i> like-1SG ice-cream-ELAT	

4.2. Преобладание антикаузативной деривации над каузативной

В английском языке антикаузативная деривация является доминирующей, переходный (инхоативный) глагол образуется от переходного (напр., *The snow melts* ‘снег тает’ vs. *The flame melts the ice* ‘пламя топит лед’). В других германских языках это не совсем просто, и сомнительно, является ли это наиболее обычной стратегией. Например, нем. *schmelzen* и *tauen* имеют оба значения, как инхоативное, так и каузативное (‘таять’ и ‘топить’), но ср. также *verlieren* ‘терять’ vs. *verloren gehen* ‘теряться’ (и *lose* vs. *get lost* в английском). Иногда различие проявляется только в спряжении (в прош. вр.), как в швед. *smälta* ‘таять, оттаивать’ с (теперь уже факультативным) сильным спряжением (PRS *smälter*, PST *smälte/smalt*).

Псевдореклексивная конструкция широко используется в романских языках, а также во многих славянских языках, например, хорв. *Staklo se razbilo* ‘Стекло разбилось’, ср. также русск. *(no)терять* vs. *(no)теряться*. Хотя противоположный процесс также возможен, антикаузатив часто образуется от каузатива при помощи инхоативного суффикса, ср. польск. *Wieczna zmarzlina na północy Kanady zaczyna topnieć* ‘Вечная мерзлота на севере Канады начинает таять’, где инхоатив *topnieć* образован от каузатива *topić*; впрочем, ту же функцию может выполнять и возвратное местоимение: *topić się*.

В финском языке имеется богатый и комплексный механизм образования диатезных вариантов. Каузатив (напр., *sula-tta-a* ‘растопить/растоплять’) явно прои́зведен от инхоатива (*sula-a* ‘таять’), но система суффиксов включает и противоположную возможность деривации инхоатива от каузатива: *hukku-a* ‘(по)теряться’ от *huk-ata* ‘(по)терять’.

4.3. Сравнительные конструкции, образуемые при помощи союза vs. флексии

Как уже было указано выше, во всех рассматриваемых языках обычным является обозначение стандарта сравнения союзом. В русском языке стандарт, с которым что-либо сравнивается, часто маркируется также флексией родительного падежа (*больше слона*). То же самое мы находим в современном финском языке, где сохранилось еще обозначение стандарта сравнения партитивным падежом (*norsua suurempi*), тогда как в эстонском языке правилом уже является компаратив с частицей сравнения (примеры см. выше).

5. Дополнительные черты SAE

Хаспельмат (2001) также приводит список дополнительных 14 черт, типичных для европейских языков, но нередких и вне Европы³.

³ 13. Вопрос *да/нет*, вводимый глаголом; 14. Компаратив прилагательных при помощи суффикса; 15. Соединительный союз в перечислении (конъюнкция с помощью союза *и*): *A, B и C*; 16. Неразличение (синкретизм) комитатива и инструменталиса (*with my friends — with a knife*); 17. Супплетивизм порядкового и количественного числительных в случае *второй* vs. *два*; 18. Неразличение отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в именной группе; 19. Неразличение между инклюзивным («мы и ты») и эксклюзивным («мы, а не ты») местоимением в первом лице 1 лица мн. ч.; 20. Отсутствие грамматической редупликации; 21. Топикализация и фокусирование при помощи интонации и порядка слов; 22. Основной нейтральный (базовый) порядок слов SVO; 23. Наличие лишь одного герундия; предпочтение финитных придаточных предложений; 24. Специальная конструкция для отрицательного сочинения («ни ... ни»); 25. Наличие фазовых наречий (напр. *уже, еще*; англ. *already, still, not yet*); 26. Тенденция к замене прошедшего вр. (претерита) перфектом.

5.1. Вопрос да/нет, вводимый глаголом

Полярный вопрос, выражаемый лишь обратным порядком слов, является довольно редкой стратегией в Европе. Эта стратегия встречается почти исключительно в германских языках. Кроме них, такой порядок слов в полярном вопросе отмечен только в испанском и чешском (см. 16). В славянских языках дело обстоит сложнее, напр., в русском нет обязательного грамматического порядка слов, а полярный вопрос маркируется интонацией. Во многих же славянских языках употребляется интеррогативная частица в начале предложения (17). В русской обиходной речи эта стратегия почти исчезла, но частица обязательна в непрямом вопросе, причем она следует непосредственно после первого, спрашиваемого слова, напр. *Ты идешь домой?* vs. *Она спросила, **иду ли** я домой* или *Она спросила, **домой ли** я иду*.

- (16) Чешск. *Je ten film dobr?* ‘Это хороший фильм?’
 (17) Словацк. а) *Či je to škoda?* ‘Это жаль?’
 б) *Najhoršie je, že ani neviem, či je to škoda.*
 ‘Хуже всего, что я даже не знаю, жаль ли это’.

В прибалтийско-финских языках полярный вопрос начинается со спрашиваемого слова, предшествуемого в эстонском языке вопросительной частицей (*kas*), тогда как в финском языке частица следует за первым словом как энклитика (*Lähdet-kö kotiin?* ‘Ты идешь домой?’ vs. *Kotiin-ko lähdet?* ‘Домой ли ты идешь?’). Непрямой вопрос не отличается от прямого, и здесь мы можем отметить полное соответствие со структурой русского непрямого вопроса.

5.2. Компаратив прилагательных при помощи суффикса

Во всех рассматриваемых языках существует деривация компаратива прилагательных с помощью суффикса. В разных языках, кроме того, встречается аналитический способ выражения компаратива, напр. русск. *более длительный*. В финском языке не только компаратив, но также суперлатив выражается синтетически, напр. *suuri* или *iso* ‘большой’, *suurempi* или *isompi* ‘больше’ vs. *suur-in* или *iso-in* ‘самый большой’. В эстонском языке суперлатив выражается почти исключительно аналитически, напр. *suur* ‘большой’, *suur-em* ‘больше’, *kõige suur-em* ‘самый большой (всех)’, а синтетический суперлатив образуется только от некоторых частотных слов, напр. *suurim* ‘самый большой’ и *pikkim* ‘самый длинный, длиннее всех’, и становится архаичным.

5.3. Неразличение комитатива и инструменталиса

Наблюдаемого в SAE неразличения выражения комитатива и инструменталиса (напр. англ. *with my friends* vs. *with a knife*) в славянских языках, собственно, нет как последовательного правила. Комитатив выражается предложной кон-

струкцией (*с моими друзьями*), тогда как инструментальное значение выражается одним только творительным падежом (*ножом*). Из финно-угорских языков данный синкретизм существует в эстонском: *minu oma sõpratega* ‘с моими друзьями’ vs. *pussiga* ‘(с) ножом’; оба значения выражены комитативным падежом. В финском, наоборот, комитативное значение обычно выражается послелогом *kanssa* ‘с’ (который, кстати, восходит к тому же источнику, что и эстонское комитативное окончание, — к основе, которая в современном финском языке выступает в форме *kansa* ‘народ’). Для инструментального значения говорящий на финском языке имеет в распоряжении адессивный падеж: *ustävieni kanssa* ‘с моими друзьями’ vs. *puukolla* ‘ножом’.

5.4. Прочие черты

Во всех рассматриваемых языках есть супплетивизм в выражении числительных — порядкового ‘второй’ и количественного ‘два’. В эстонском имеется пара *teine* vs. *kaks*, в финском — *toinen* vs. *kaksi*, и в венгерском — *második* vs. *két*. Еще одна черта, которая заслуживала бы типологического исследования, представлена вариацией обозначения значений ‘второй’, ‘другой’ и ‘иной’. Для SAE также отмечается наличие фазовых наречий, таких как англ. *already, still, not yet*. Следует заметить, что в европейских языках дистрибуция и вариация этих наречий заслуживает отдельного описания (ср. русск. *уже, уже не, еще, еще не* и т. д.).

В наших языках нет различия между инклюзивным, включающим слушающего, *мы* (‘мы и ты’) и эксклюзивным *мы* (‘мы, но не ты’). Однако модель *мы с тобой* в значении ‘я и ты’ существует, кроме финского и русского, также в некоторых других славянских (болгарском, польском, чешском) и неславянских (венгерском, испанском) языках⁴.

В языках SAE существует двойной отрицательный соединительный союз (ср. англ. *neither-nor*). В русском и других славянских языках и здесь наблюдается тенденция к двойной негации (ср. русск. *ни — ни ... не*), тогда как в финском оформление соединенного отрицания с отрицательным глаголом (*ei — eikä*) явно не соответствует характеристике SAE.

В число свойств SAE, разделяемых и славянскими, и финно-угорскими языками, входит относительное предложение, вводимое склоняемым относительным местоимением. Однако если в языках SAE обычно имеется лишь один герундий, а предпочтение отдается финитным придаточным предложениям, то в финно-угорских языках имеется богатая система причастий и инфинитивов, которые используются, будучи вложенными в главное предложение. В какой-то мере это возможно и в русском языке, в частности в письменных стилях.

В рассмотренных языках нет различия отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности; нет и продуктивной редупликации. Топикализация и фокусирование осуществляются при помощи интонации и порядка слов, а основной нейтральный

⁴ Финск. *me sun kanssa* принадлежит к разговорному регистру речи.

порядок слов — SVO. В славянских языках порядок слов довольно гибкий, как и в прибалтийско-финских языках. Уральским языкам первоначально был свойствен основной порядок SOV, который можно считать еще доминирующим в венгерском. По поводу дополнительного критерия SAE, касающегося соединительного союза в перечислении (*A, B и B*), можно отметить, что для русского языка порой характерно бессоюзие, опущение соединительного союза (*asyndeton*).

6. Заключение

Как мы убедились, славянские языки в основном разделяют большую часть из 12 черт SAE, хотя и в значительно меньшей степени, чем ядерные языки SAE. Европейские финно-угорские языки также разделяют как минимум пять из этих черт, к тому же, если рассматривать все альтернативные стратегии выражения, можно найти больше черт, общих для финно-угорских и славянских языков.

Известный интерес представляет тот факт, что венгерский признан SAE в качестве единственного языка вне индоевропейской семьи. Специально не останавливаясь на этом вопросе, я предполагаю, что приводимые факты дают основания сомневаться в том, что венгерский можно разместить сколько-нибудь ближе к ядру SAE, чем прибалтийско-финские языки. Не отвергая концепцию SAE, я считаю, что механическое приложение к языковой действительности достаточно общих критериев наличия или отсутствия тех или иных свойств не позволяет нам различить те черты и возможности выражения, которые реально выявляют сходство и расхождения между языками. Вариация в частотности и альтернативные способы выражения абстрактно взятых грамматических и лексических черт требуют более тщательного и подробного анализа отдельных языков. На мой взгляд, если отметить принадлежность, к примеру, венгерского и английского к языкам SAE, то это мало что даст: должны ли мы на основе этого факта признать, что данные языки похожи друг на друга? Насколько? А что дальше?

Х. Томмола
Тамперский университет, Тампере, Финляндия
hannu.tommola@uta.fi

ЛИТЕРАТУРА

- Русаков 2004 — *Русаков А. Ю.* Албанский язык: между востоком и западом // IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Докл. российских ученых. СПб., 2004. С. 259—274. (<http://www.philology.ru/linguistics3/rusakov-04b.htm>)
- Томмола 1998а — *Томмола Х.* Грамматический строй русского языка в типологическом освещении // *Studia Slavica Finlandensia in Congressu XII Slavistarum Internationali Cracoviae Anno MCMXCVIII Oblata* / Eds. J. Papinniemi et al. Helsinki, 1998. P. 146—167.
- Томмола 1998б — *Томмола Х.* Заметки к типологии амбиперсонала // *Типология. Грамматика. Семантика* / Под ред. Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин. СПб., 1998. С. 41—57.
- Томмола 2003 — *Томмола Х.* К лексико-семантической типологии славянских языков // *Studia Slavica Finlandensia Tomus XX. Докл. финской делегации на XIII Междунар. Съезде Славистов. (Ljubljana, August 15—21)* / Eds. J. Papinniemi et al. Helsinki, 2003. С. 228—248.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Lindstedt 2000 — *Lindstedt J.* The perfect — aspectual, temporal and evidential // *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology* / Ed. Ö. Dahl. EUROTYPE 20-6. Berlin; NY, 2000. P. 365—383.
- Haspelmath 2001 — *Haspelmath M.* The European linguistic Area: Standard Average European // Eds. M. Haspelmath and al. *Language typology and Language Universals. B. 2.* Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2001. P. 1492—1510.
- Whorf 1941 — *Whorf B. L.* The relation of habitual thought and behavior to language // Ed. L. Spier. *Language, culture, and personality: essays in memory of Edward Sapir.* 1941.